

УДК 349.6  
ББК Х407

DOI: 10.53315/2949-1193-2025-4-2-27-37

*Рыженков А.Я.,  
профессор кафедры гражданского права и процесса,  
ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова»,  
доктор юридических наук, профессор,  
г. Элиста, Россия*

## ПРИНЦИП ПРЕДОСТОРОЖНОСТИ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЭКОЛОГИЧЕСКОМ ПРАВЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

**Аннотация.** Статья посвящена исследованию принципа предосторожности в международном экологическом праве, рассматривает его историческое развитие и современные юридические дискуссии. Принцип предосторожности возник в Германии в 1970-х гг., и был направлен на предотвращение вреда окружающей среде даже при отсутствии полной научной уверенности в его наступлении. Впоследствии этапами развития данного принципа стал ряд международных договоров и деклараций, начиная с конференции ООН в Стокгольме (1972) и конференции в Рио-де-Жанейро (1992). Автор подчеркивает, что отсутствие полной научной уверенности в причинении в будущем вреда не должно оправдывать бездействие в его предотвращении. Особое внимание в статье уделено применению принципа предосторожности в судебной практике Международного суда ООН и специализированных трибуналов, его внедрению в законодательство Европейского Союза, а также влиянию на национальное законодательство России и других постсоветских государств. В России принцип предосторожности формально не закреплён в законе, однако его элементы выражены через обязательную экологическую экспертизу и принцип презумпции экологической опасности планируемой деятельности. Несмотря на ряд успехов в реализации данного принципа на международном и национальном уровнях, сегодня остается ряд проблем, связанных с необходимостью более четкого определения сферы его действия и поиска баланса интересов, критериев оценки угроз, размера вреда, причинно-следственных связей.

**Ключевые слова:** окружающая среда; международные конференции; ООН; принцип; морское право; декларация; договор; вред; спор; Международный Суд; климат; доктрина.

UDC 349.6  
BBK X407

DOI: 10.53315/2949-1193-2025-4-2-27-37

*Ryzhenkov A. Y.,  
Professor of the Department of Civil Law and Procedure  
of the Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov,  
Doctor of Law, Professor  
Elista, Russia*

## THE PRECAUTIONARY PRINCIPLE IN INTERNATIONAL ENVIRONMENTAL LAW: THEORY AND PRACTICE

**Abstract.** The article is devoted to the study of the precautionary principle in international environmental law, examines its historical development and modern legal discussions. The precautionary principle originated in Germany in the 1970s, and was aimed at preventing environmental harm even in the absence of complete scientific certainty about its occurrence. Subsequently, a number of international treaties and declarations began to develop this principle, starting with the UN Conference in Stockholm (1972) and the Rio de Janeiro Conference (1992). The author emphasizes that the lack of complete scientific certainty about future harm should not justify inaction in preventing it. Special attention is paid in the article to the application of the precautionary principle in the judicial practice of the International Court of Justice and specialized tribunals, its introduction into the legislation of the European Union, as well as its impact on the national legislation of Russia and other post-Soviet states. In Russia, the precautionary principle is not formally enshrined in law, but its elements are expressed through mandatory environmental assessment and the principle of presumption of environmental hazard of planned activities. Despite a number of successes in the implementation of this principle at the international and national levels, today there remain a number of problems related to the need for a clearer definition of its scope and the search for a balance of interests, criteria for assessing threats, the amount of harm, and causal relationships.

**Key words:** Environment; international conferences; UN; principle; law of the sea; declaration; treaty; harm; dispute; International Court of Justice; climate; doctrine

Принцип предосторожности впервые был сформулирован в экологической политике Германии в 1970-х гг. (Вылегжанина, 2005: 45). Он заключался в том, чтобы заблаговременно предотвращать вред природе даже при отсутствии полной научной уверенности в наступлении такого вреда. Первоначально принцип предосторожности развивался как доктринальная идея, но со временем получил отражение в ряде международно-правовых документов. Есть основания увидеть истоки этого принципа в актах Стокгольмской конференции ООН 1972 г., где прозвучал призыв проявлять более предусмотрительную заботу об экологических последствиях человеческой деятельности, чтобы из-за неведения или безразличия не причинить огромный и непоправимый ущерб окружающей среде.

Однако более уверенно можно утверждать, что в международном праве концепция предосторожности получила свое развитие в 1990-х годах. Так, в 1992 г. в принципе № 15 Декларации принципов, принятой на Международной конференции ООН в г. Рио-де-Жанейро, «предосторожность» закрепляется как один из ключевых принципов международного экологического права. Данный принцип означает, что для охраны природы государства в соответствии со своими возможностями должны шире практиковать принятие мер предосторожности. В случаях, когда есть угроза серьёзного и необратимого ущерба природе, отсутствие полной научной уверенности не может использоваться в качестве причины для отсрочки принятия экономически эффективных мер по предупреждению ухудшения состояния окружающей среды. Такая формулировка впоследствии нашла отражение в иных международных актах. Например, в Конвенции о биологическом разнообразии (1992) исследуемый принцип зафиксирован уже в преамбуле: «когда существует угроза значительного сокращения или утраты биологического разнообразия, отсутствие неоспоримых научных фактов не должно служить причиной отсрочки принятия мер для устранения или сведения к минимуму такой угрозы».

Рамочная конвенция ООН об изменении климата (РКИК ООН) прямо требует от государств (ст.3) принимать предупредительные меры: сторонам следует принимать данные меры для «прогнозирования, предотвращения или сведения к минимуму причин изменения климата и смягчения его отрицательных последствий. Там, где существует угроза серьёзного или необратимого ущерба, недостаточная научная определенность не должна использоваться в качестве причины для отсрочки принятия таких мер». Подобные положения о недопустимости оправдывать бездействия отсутствием научной определённости при оценке будущего вреда, содержатся также в других международных актах. Согласно ст.3 Конвенции по защите морской среды района Балтийского моря (1992), договаривающиеся Стороны поддерживают принцип предосторожности, что означает принятие превентивных мер в случае, когда имеется основание полагать, что вещества или энергия, внесенные прямо или косвенно в морскую среду, могут создать опасность для здоровья человека, нанести вред живым ресурсам и морским экосистемам, нанести ущерб использованию моря для отдыха, или препятствовать другим законным видам использования моря, даже если отсутствует убедительное доказательство причинной связи между таким внесением и его воздействием.

В итоге к началу XXI века этот принцип вошел в ряд международных соглашений, став неотъемлемой частью международных экологических обязательств.

Сущность принципа предосторожности состоит в том, что возможная неполнота научных данных о рисках причинения ущерба окружающей среде не должна служить поводом для откладывания мер по предотвращению такого ущерба. Иными словами, даже если нет полной уверенности в том, что определённая деятельность нанесёт серьёзный вред, государства обязаны действовать на упреждение и принимать пропорциональные

превентивные меры. В этом проявляется профилактико-управленческая природа исследуемого принципа: он ориентирует государственную экологическую политику и принимаемые органами публичной власти любой страны решения на осторожное отношение к потенциально опасным воздействиям, исходя из стратегии «лучше предотвратить, чем потом устранять». Принцип предосторожности можно рассматривать как развитие классического медицинского правила «не навреди», перенесённого на уровень политики.

Данный принцип стремится направлять деятельность органов власти и хозяйствующих субъектов так, чтобы заранее избежать угрозы серьезного и необратимого экологического вреда, а не только реагировать постфактум. Между тем, несмотря на свое широкое признание, юридический статус принципа предосторожности долгое время вызывал дискуссии. Первоначально он появился в «мягком праве» (декларациях, резолюциях), но сегодня включён во многие договоры и практику международных организаций, что повышает его нормативное значение. Фактически данный принцип приобрел сейчас статус общего принципа международного права, учитывая его постоянное упоминание в многосторонних соглашениях и официальных заявлениях государств. На данный принцип все чаще ссылаются и международные судебные инстанции. Например, Международный Суд ООН в деле о целлюлозном заводе (Аргентина против Уругвая, 2010 г.) высказал свое мнение о принципе предосторожности. Аргентина утверждала, что по предосторожному подходу бремя доказательств безопасности проекта должно лежать на Уругвае. Суд признал, что предосторожность «может быть учтена при толковании и применении» договора, но в то же время заметил: это не означает, что данный принцип приводит к переносу бремени доказывания. Суд отказался освобождать Аргентину от необходимости доказывания факта правонарушения. Тем не менее, само упоминание принципа предосторожности в решении свидетельствует, что Суд учёл данный принцип как важный фактор, хоть и не придал ему решающего и самостоятельного значения.<sup>1</sup> В отличие от Международного Суда ООН, специализированные трибуналы по морскому праву более четко ссылаются на принцип предосторожности. Так, в 2011 г. Камерой по спорам, касающимся морского дна, было вынесено первое консультативное заключение, где Камера единогласно установила высокие стандарты «должной осмотрительности», особо отметив существование в международном праве обязательств применения мер предосторожности, наилучшей существующей технологии, а также процедуры ОВОС (Абашидзе и др., 2012: 80). Этот пример не является единственным.

Международный трибунал по морскому праву применял и ранее (1999 г.) предосторожный подход при вынесении временных мер в деле о южно-голубом тунце (Новая Зеландия и Австралия против Японии). Трибунал тогда указал, что стороны должны действовать с предусмотрительностью и осторожностью, чтобы были приняты эффективные меры по сохранению рыбных ресурсов и предотвращению серьезного ущерба популяции тунца. Это решение было вынесено в условиях неопределённости относительно состояния рыбных запасов. Трибунал фактически руководствовался предосторожностью, предписав ограничить вылов странам в условиях отсутствия единого научного мнения о масштабах угрозы.<sup>2</sup>

Таким образом, в международной судебной практике суды и трибуналы всё чаще ссылаются на принцип предосторожности в процессе толкования договоров и оценке добросовестности государств (Абгарян, 2014: 191-194). Предосторожность может влиять

<sup>1</sup>International Court of Justice. Pulp Mills on the River Uruguay (Argentina v. Uruguay). Summary of the Judgment of 20 April 2010 // <https://www.icj.org/node/103911> (дата обращения: 12.06.2025).

<sup>2</sup>Southern Bluefin Tuna (New Zealand v. Japan; Australia v. Japan). Provisional Measures. Order of 27 August 1999. ITLOS Reports 1999, P.280.

на содержание обязанностей (как элемент должной осмотрительности) и на оценку разумности мер государства по предотвращению вреда в условиях неопределённости. В итоге судебная практика постепенно вырабатывает прецеденты, подтверждающие значимость этого принципа в экологических спорах (Sands, 2003). Принцип предосторожности имеет как превентивно-экологическое, так и процедурно-правовое значение, влияя на правила принятия решений и оценки доказательств в условиях экологической неопределённости.

Международные организации также активно продвигают и конкретизируют применение принципа предосторожности. К примеру, ООН в своих обращениях уже неоднократно призвала все страны мира руководствоваться принципом предосторожности в своей экологической политике. Повестка дня на XXI век (1992) рекомендовала учитывать принцип предосторожности при планировании развития.

На Всемирных саммитах по устойчивому развитию (Йоханнесбург 2002 г., Рио+20 2012 г.) страны вновь подтвердили приверженность этому принципу как ключевому для предотвращения деградации окружающей среды. Однако наиболее последовательно принцип предосторожности внедрён в практику Европейского Союза. В праве ЕС он возведён в ранг одного из главных экологических принципов. В статье 191 Договора о функционировании ЕС прямо указывается, что политика Союза в области охраны окружающей среды основывается на принципе предосторожности.

Впоследствии эта тенденция была продолжена: в Решении (ЕС) 2022/591 Европейского Парламента и Совета от 6 апреля 2022 г. об Общей программе действий Европейского союза по окружающей среде до 2030 года отмечается, что политика Союза в отношении окружающей среды должна быть направлена на высокий уровень защиты, принимая во внимание разнообразие ситуаций в различных регионах Союза, и должна основываться на принципе предосторожности, принципе принятия превентивных мер. В свою очередь, экологический ущерб должен быть, в первую очередь, устранен у источника, а загрязнитель должен платить. В ЕС действует презумпция, что при разумном подозрении на серьезный вред регулятор вправе (а иногда и обязан) принять ограничительные меры заблаговременно. Такой подход привёл к превентивным запретам некоторых пестицидов, гормональных препаратов для скота, к мораторию на коммерческое выращивание отдельных ГМО культур (Анисимов, Попова, 2017).

Аналогичную тенденцию мы видим и на уровне отраслевых международных организаций, внедряющих предосторожность в свои стандарты. Так, Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН (ФАО) включила предосторожный подход в Кодекс поведения по ответственному рыболовству (1995), требуя учитывать неопределённости и не доводить рыбные запасы до истощения даже при неполных научных данных. Международная морская организация ООН в ряде руководств (по балластным водам, Арктике и др.) также рекомендует странам применять предосторожность для предотвращения загрязнения морей. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) поддерживает предосторожный подход, в т.ч. по вопросам влияния новых веществ и технологий на здоровье, советуя государствам не ждать окончательных доказательств при наличии серьёзных подозрений на вред. Еще один пример институционализации принципа – практика Комиссии по защите морской среды Северо-Восточной Атлантики (ОСПАР).

В рамках Конвенции ОСПАР 1992 г. принцип предосторожности провозглашён одним из руководящих: первоначально он ограничивался предотвращением загрязнения от сброса веществ, но затем распространился на все виды деятельности, влияющие на морскую экосистему. Комиссия ОСПАР определяет принцип предосторожности так: превентивные меры должны приниматься в тех случаях, когда имеются разумные основания для беспокойства в отношении того, что хозяйственная и иная деятельность может

представлять опасность для здоровья людей, причинять вред живым ресурсам и морским экосистемам, препятствовать законным видам использования моря даже при отсутствии убедительных доказательств причинно-следственной связи (деятельности и вреда от нее). Отсутствие полных научных данных не должно откладывать действия по защите морской среды.<sup>1</sup> Такая трактовка исследуемого принцип международного экологического права предполагает, что отсрочка действий в долгосрочной перспективе окажется более дорогостоящей для общества и природы, и это поставит под угрозу потребности будущих поколений. Данный подход реализован, например, в запрете на сброс радиоактивных отходов в море или в создании сети морских охраняемых районов заранее (до того, как биоразнообразие будет безвозвратно утеряно). Аналогично действует и Хельсинкская комиссия по Балтийскому морю (HELCOM), включившая предосторожность в свои руководящие принципы.

Международные природоохранные неправительственные организации тоже играют важную роль в развитии доктрины предосторожности. В Заявлении о принципе предосторожности (принято на конференции в г. Вингспреде (США) в январе 1998 г.) отмечается, что «когда деятельность создаёт угрозы для здоровья человека или окружающей среды, следует принимать меры предосторожности, даже если некоторые причинно-следственные связи еще не полностью установлены с научной точки зрения».<sup>2</sup> И хотя такие акты не имеют обязательной юридической силы, они влияют на формирование общественного мнения и экологическую политику многих стран мира в сторону постепенного расширения применения принципа предосторожности. Таким образом, на уровне международного экологического права принцип предосторожности с каждым годом упоминается все чаще. Он включается в стратегии и рекомендации, служит обоснованием для программ или регулятивных мер. Через решения организаций (например, разъяснения Конференции сторон РКИК ООН по климату) принцип предосторожности трансформируется в конкретные управленческие шаги государств.

Совместными усилиями ООН и ряда международных организаций принцип предосторожности постепенно превращается из просто декларируемого лозунга в реально применяемый инструмент современного экологического управления.

В целом сегодня действует около 60 многосторонних договоров, охватывающих широкий спектр экологических вопросов (начиная от загрязнения воздуха и заканчивая утилизацией отходов), так или иначе упоминающих исследуемый принцип, и их число, по-видимому, будет только расти (Stefanik, 2013: 103-104).

Международное признание принципа предосторожности ощутимо повлияло на внутреннее право государств. Многие страны имплементировали этот принцип в свои экологические законы и политику, хотя формы и степень имплементации различаются. В государствах Европы принцип предосторожности зачастую прямо закреплён в законодательстве.<sup>3</sup> В странах же постсоветского пространства его внедрение шло постепенно и нередко опосредованно, через смежные понятия. Российская Федерация формально не провозгласила «принцип предосторожности» в отдельной статье закона, однако элементы этого подхода присутствуют в отечественном экологическом праве. Так, Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» содержит в ст. 3 ряд основных принципов охраны природы, среди которых есть положения, фактически

<sup>1</sup>OSPAR Commission. Precautionary Principle // <https://www.ospar.org/convention/principles/precautionary-principle#:~:text=By%20virtue%20of%20the%20precautionary,the%20needs%20of%20future%20generations>

<sup>2</sup>Precautionary Principle: The Wingspread Statement // <https://www.healthandenvironment.org/resources/resource-library/eh-history/precautionary-principle-the-wingspread-statement> (дата обращения 12.06.2025).

<sup>3</sup>См., например, ст. 9 (основные принципы защиты окружающей среды) Закона Сербии «Об охране окружающей среды» (вступил в силу 29 декабря 2004 года, действует в редакции от 28.11.2024).

отражающие идеологию предосторожности. Во-первых, закон устанавливает презумпцию экологической опасности планируемой хозяйственной и иной деятельности, которая априори рассматривается как потенциально опасная для окружающей среды, пока не доказано обратное. Из этой презумпции вытекает обязанность проводить оценку воздействия на окружающую среду и государственную экологическую экспертизу на стадии планирования такой деятельности.

Во-вторых, в перечень принципов экологического права входит запрещение хозяйственной и иной деятельности, последствия воздействия которой непредсказуемы для окружающей среды, а также реализация проектов, которые могут привести к деградации естественных экологических систем, изменению и (или) уничтожению генетического фонда растений, животных и других организмов, истощению природных ресурсов и иным негативным изменениям окружающей среды. Эти принципы прямым текстом обязывают учитывать неопределённые и труднопрогнозируемые экологические риски. Таким образом, хотя сам термин «предосторожность» не упоминается в законе, суть этого принципа выражена через презумпцию опасности и требования государственной экспертизы потенциально опасных проектов.

Практическое применение этих положений в России мы видим в Федеральном законе «Об экологической экспертизе» от 23.11.1995 № 174-ФЗ, целью которого является установление соответствия документов и/или документации, обосновывающих намечаемую в связи с реализацией объекта экологической экспертизы хозяйственную и иную деятельность, требованиям в области охраны окружающей среды в целях предотвращения негативного воздействия такой деятельности на окружающую среду. Другим проявлением этого принципа является статья 1064 ГК РФ, согласно которой опасность причинения вреда в будущем может явиться основанием к иску о запрещении деятельности, создающей такую опасность. При этом если причиненный вред является последствием эксплуатации предприятия, сооружения либо иной производственной деятельности, которая продолжает причинять вред или угрожает новым вредом, суд вправе обязать ответчика, помимо возмещения вреда, приостановить или прекратить соответствующую деятельность. Вместе с тем, следует признать, что в российской правоприменительной практике принцип предосторожности пока не получил однозначного и самостоятельного развития. Российские суды еще редко ссылаются на него напрямую. Например, Конституционный Суд Российской Федерации в своих решениях по экологическим вопросам в основном опирается на принцип «загрязнитель платит», напрямую не используя терминологию «предосторожности».

Несмотря на это в научной литературе отмечается, что *de facto* Россия применяет принцип предосторожности при управлении рыболовством, в частности, при установлении общего допустимого улова, при принятии решений о закрытии районов промысла в целях восстановления сокращающихся запасов, при вводе запрета на добычу отдельных видов водных биологических ресурсов и др. Все эти управленческие действия осуществляются на основе научных данных о состоянии запасов водных биологических ресурсов. Без учета мнения рыбохозяйственной науки указанные выше решения не принимаются (Бекашев, 2017: 93).

В других странах постсоветского пространства степень внедрения рассматриваемого принципа варьируется. Республика Казахстан является одной из первых в данном вопросе: в Экологическом кодексе Республики Казахстан (2007 г.) были прямо перечислены принципы экологического права, и среди них отдельно был назван «принцип предосторожности». В действующей редакции ЭК РК 2021 г. определение этого принципа близко к международному: при наличии риска причинения вследствие какой-либо

деятельности экологического ущерба, имеющего существенные и необратимые последствия для природной среды и (или) ее отдельных компонентов, или вреда жизни и (или) здоровью людей должны быть приняты эффективные и пропорциональные меры по предотвращению наступления таких последствий при экономически приемлемых затратах, несмотря на отсутствие (на современном уровне научных и технических знаний) возможности обосновать и достаточно точно оценить вероятность наступления указанных отрицательных последствий.

Таким образом, Казахстан нормативно закрепил обязанность действовать на опережение при угрозе серьёзного вреда окружающей среде, даже если наука пока ещё не даёт точного прогноза риска. В практическом плане это отразилось в более жёстких требованиях к проектам в сфере добычи полезных ископаемых и в промышленности – компании должны доказывать экологическую безопасность предлагаемых технологий или применять наилучшие доступные технологии, иначе им может быть отказано в получении разрешений.

Другие страны СНГ также восприняли предосторожный подход, однако менее последовательно, чем Казахстан. Например, Закон Кыргызской Республики от 16 июня 1999 г. № 53 «Об охране окружающей среды» предусматривает (как и в России) экологическую экспертизу, однако предосторожность не упоминает.

Аналогичным образом, о принципе предосторожности не упоминает Закон Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. № 1982-ХІІ «Об охране окружающей среды», однако данный закон включает в себя принципы «презумпции экологической опасности планируемой хозяйственной и иной деятельности» и «предупредительного характера мер по охране окружающей среды и предотвращению причинения вреда окружающей среде», чем сильно напоминает законы России.

На уровне международного сотрудничества на постсоветском пространстве принцип предосторожности также признаётся. В рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) разрабатываются технические регламенты (например, по безопасности пищевой продукции, химических веществ), где закладывается подход, близкий к европейскому: если имеются сведения о потенциальном вреде ингредиента или технологии, вводятся ограничения до выяснения всех обстоятельств. Это позволяет странам ЕАЭС (включая Россию, Беларусь, Казахстан и др.) коллективно применять принцип предосторожности в вопросах, например, оборота ГМО, разрешения новых пищевых добавок, лекарственных средств и т.п.

Несмотря на ряд достигнутых успехов на международном и национальном уровнях в регламентации принципа предосторожности, остается и ряд вопросов.

1) главной проблемой в реализации принципа предосторожности является сложность обеспечения баланса экологических и социально-экономических интересов. В странах, экономика которых сильно зависит от природопользования (добыча нефти, газа), часто существует акцент в сторону освоения ресурсов при неполной оценке экологических рисков. Принцип предосторожности призывает к осторожности, что может вступать в конфликт с краткосрочными экономическими приоритетами. Например, при рассмотрении проектов разработки месторождений газа или строительства гидроэлектростанций органы власти могут оказаться перед дилеммой: либо следовать предосторожности (требовать дополнительных исследований, откладывать проект), либо развивать экономику. Не всегда выбирается первый вариант, особенно в условиях равнодушия общественности. Другой аспект этой проблемы заключается в следующем: если после аварии на АЭС Фукусима 1 правительство конкретной страны решит закрыть все имеющиеся АЭС, это позволит предотвратить возможные аварии. В то же время возникший спрос на энергию

придется удовлетворять за счет импорта ископаемого топлива, а это приведет к росту цен на энергоносители и увеличению выбросов парниковых газов, способствующих глобальному изменению климата (Pinto-Bazurco, 2020). Это говорит о разных аспектах принципа предосторожности.

2) неопределённость и экспертиза. Принцип предосторожности требует действовать в условиях неопределённости, но МЭП не даёт универсальных критериев этой неопределённости. Они отсутствуют и в национальной практике, начиная с того, какой уровень риска нужен для включения «режима предосторожности». Это оставляет широкое усмотрение чиновникам и экспертным комиссиям. Поэтому предосторожность иногда отождествляется с перестраховкой или используется избирательно (выдвигаются чрезмерные требования к одним проектам (с задержкой их реализации), но игнорируются аналогичные риски в других). Отсутствие прозрачных методик оценки риска является существенным препятствием для единообразного применения этого принципа. Отдельный вопрос – о критериях формирования экспертных комиссий и требований к экспертам.

Из вышеизложенных аспектов проблемы вытекает еще один: существует более десяти определений предосторожного подхода в различных актах международного экологического права. И хотя мы можем говорить о том, что все эти акты направлены на защиту окружающей среды от возможного причинения ей существенного вреда, тем не менее остаются вопросы не только о понятии и правовых критериях неопределенности, но и о выявлении причинно-следственных связей между деятельностью и вредом, определении его необходимого размера. Требуется преодоления и определенная двусмысленность понимания данного принципа: в различных договорах и декларациях мы видим разнообразные формулировки, которые отражают различную степень его интенсивности (Копылов, 2015: 157).

Если мы не решим эти вопросы, то возможность (в условиях к тому же научной неопределенности) причинения вреда в будущем может послужить тормозом развития экономики и избирательностью (в условиях коррупции) применения этого принципа отдельными национальными должностными лицами к конкретным представителям бизнеса. Другими словами, необходимо более четко разработать минимальные критерии и требования к доказательствам возможного в будущем ущерба окружающей среде, чтобы избежать возможных злоупотреблений.

3) новые угрозы (вызовы) принципу предосторожности (на примере нанотехнологий). Сегодня нет достаточных знаний о долгосрочных экологических последствиях воздействия искусственных наночастиц, что затрудняет стандартный количественный анализ таких рисков. Данные токсикологических исследований (на животных) уже дают достаточно оснований для «разумной обеспокоенности» (хотя речь не идет о крайних мерах, включая полный мораторий на исследования и коммерциализацию наночастиц). Применение принципа предосторожности к нанотехнологиям оправдано, учитывая потенциальную масштабность и необратимость последствий их использования. Основная проблема здесь заключается в том, как именно поддерживать баланс между инновациями и экологической безопасностью. Принцип предосторожности остаётся нормативно-неоднозначным и легко может быть использован для манипуляций и/или неоправданных запретов, если отсутствует прозрачность процесса принятия решений (Грунвальд, 2010).

4) соотношение принципа предосторожности с другими принципами МЭП. Принцип предосторожности входит в число основных начал МЭП наряду с принципами предотвращения вреда, загрязнитель платит, устойчивого развития, находясь с ними в состоянии тесного взаимодействия. Так, принцип предотвращения (профилактики) вреда (недопущения трансграничного вреда) обязывает государства не причинять ущерба окружающей среде за пределами своей юрисдикции и принимать меры против известной угрозы вреда.

Но принцип предосторожности делает шаг дальше: он уже требует действий даже при неполноте знаний о потенциальном вреде (Sadeleer, 2010). Принцип предотвращения не всеобъемлющ, как принцип предосторожности; он сводится к правилу «лучше предотвратить, чем потом исправлять» последствия. Принцип предосторожности применяется на более ранней стадии и при большей неопределённости: если принцип предотвращения начинает действовать, когда вред предсказуем и доказуем, то принцип предосторожности требует реагировать уже тогда, когда лишь имеются обоснованные опасения серьёзного ущерба, даже если научно причинно-следственная связь полностью не доказана (Дегерг, 2018). Однако граница между принципами предотвращения (профилактики) и предосторожности остается подвижной.

Таким образом, принцип предосторожности из сугубо доктринального постулата сейчас превратился в рабочий инструмент международного и национального экологического права. Его историческое развитие – от первых упоминаний в 1970-х до повсеместного включения в договоры 1990-х – отражает растущее осознание мировым сообществом необходимости действовать на опережение ради охраны окружающей среды. Предосторожность выполняет двойную функцию: с одной стороны, задаёт принципиальную установку для политиков и законодателей – учитывать долгосрочные экологические риски несмотря на научные пробелы; с другой – служит практическим критерием при оценке проектов, нормировании, выдаче разрешений, экологическом контроле. В международном экологическом праве принцип предосторожности получил статус одного из фундаментальных принципов, а его дальнейшее воплощение в правовых нормах – как на глобальном, так и на национальном уровнях – способствует более ответственному и дальновидному отношению человечества к охране окружающей среды.

В России и других государствах мира постепенно формируется понимание, что предупреждение экологического вреда предпочтительней ликвидации его последствий, и государство несёт ответственность за принятие мер даже при неполной информации об угрозе. Именно поэтому в сфере изменения климата Россия, ряд постсоветских и других стран приняли стратегии низкоуглеродного развития, фактически руководствуясь предосторожностью (т.к. полная определённость последствий климатических изменений пока отсутствует, поэтому меры принимаются превентивно). В сфере обращения с опасными отходами также можно увидеть принцип предосторожности: вводятся запреты на ввоз/утилизацию некоторых категорий отходов, пока не доказана их полная безопасность для населения. Однако несмотря на ряд успехов в реализации данного принципа на международном и национальном уровнях, остается ряд проблем, связанных с необходимостью более четкого определения сферы его действия и поиска баланса интересов.

#### *Литература*

Абашидзе А.Х., Солнцев А.М., Сюняева М.Д. Консультативное заключение Международного трибунала по морскому праву об ответственности государств за деятельность на морском дне за пределами национальной юрисдикции // Государство и право. 2012. № 7. С. 72-81.

Абгарян Д.Р. Практика Международного трибунала по морскому праву: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 153 с.

Анисимов А.П., Попова О.В. Правовое регулирование использования ГМО в сельском хозяйстве: дискуссионные вопросы // Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 3. С. 21-29.

Бекашев Д.К. Современные международно-правовые проблемы рыболовства: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017. 751 с.

Вылегжанина Е.Е. Основные тенденции развития экологического права Европейского Союза: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. 254 с.

Грунвальд А. Наночастицы и принцип предосторожности // Философские науки. 2010. № 6. С. 54-69.

Дегерг М. Развитие принципа предосторожности во французском административном праве // Вестник гуманитарного университета. 2018. № 4. С. 110-127.

Копылов С.М. Нужна ли «предосторожность» международному экологическому праву: если да, то в каком качестве? // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5 «Юриспруденция». 2015. № 4. С. 155-159.

Pinto-Bazurco J.F. The Precautionary Principle // <https://www.iisd.org/system/files/2020-10/still-one-earth-precautionary-principle.pdf> (дата обращения 12.06.2025)

Sadeleer N. Chapter 9. The Principles of Prevention and Precaution in International Law: Two Heads of the Same Coin? // <https://china.elgaronline.com/edcollchap/edcoll/9781847201249/9781847201249.00017.xml>

Sands P. Principles of international environmental law. Second edition. Cambridge University Press, 2003. 1248 p.

Stefanik K. Restoring Humanity to Humanitarian Law: Borrowing from Environmental Law to Protect Civilians and the Environment: Dissertation of Masters of Law. University of Western Ontario London. Ontario, Canada, 2013. 175 p.